

**П. Соломон. СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ ПРИ СТАЛИНЕ / Пер. с англ.
Изд. 2-е. М.: Росс. полит. энциклопедия; Фонд первого Президента России
Б.Н. Ельцина, 2008. 464 с.**

Российскому читателю выпала большая удача познакомиться с многолетним трудом известнейшего специалиста по истории юстиции и юриспруденции, прокуратуры и судебной системы, профессора Университета Торонто (Канада) Питера Соломона-мл., изданном на русском языке. Эта книга заслуживает особого внимания и высокой оценки по многим причинам, о чем еще будет сказано, но прежде всего отметим то, что в ней представлен детальный и всесторонний анализ фактуры, введены в научный оборот многие новые источники, рассмотрена обширная литература, недостаточно знакомая российскому читателю. Именно это дает основания говорить о том, что мы имеем пример работы, основанной на качественной квинтэссенции истории и права, причем не только вследствие постановки проблемы, самой темы данной книги, но и ввиду методологии проведенного исследования, тех подходов, которые применяет автор.

Уже в самом начале П. Соломон в коротком предисловии к русскому изданию заинтриговывает своего читателя, говоря о том, что предлагает свою интерпретацию советского правосудия в 20–50-е годы, основанную на комплексном и взвешенном исследовании важнейших аспектов проблемы уголовной юстиции в годы сталинского правления. И когда читаешь заключительные главы книги, в этом уже не остается никаких сомнений. Автор показал пример честного, глубокого и всестороннего изучения проблемы, что всегда можно только приветствовать, а ныне особенно актуально для российского научного сообщества. Конечно, и ему не всегда удастся избежать стереотипных взглядов на нашу историю (хотя он заметно выделяется среди западных русистов благодаря объективной позиции и широкому кругозору), но это куда понятнее, чем порой встречающаяся в отечественной науке поспешная смена оценок ввиду политической и иной конъюнктуры.

Есть и еще одно, что вызывает, с одной стороны, уважение к П. Соломону как исследователю, а с другой – некоторую обиду за нашу отечественную научную школу, еще недавно стоявшую на передовых рубежах по качеству источниковедческой работы. Приходится признать, что западные ученые в полной мере освоили лучшие наработки в этом направлении и пошли дальше, тогда как многие наши историки, в том числе государства и права, причем особенно это относится к молодым ученым, утратили эти навыки или утрачивают их из года в год. А ведь совсем недавно работе с первоисточниками в советских высших учебных заведениях уделялось значительное внимание. Так что те, кто ценит качественный источниковедческий анализ, вполне могут получить искомое в представляемом труде П. Соломона. При этом у них имеется возможность самим вынести свои суждения относительно тех или иных вопросов, поскольку данная работа интересна не только своими теоретическими построениями и выводами, что весьма важно, но и потому, что в ней дается широкий спектр оценок других исследователей, приводятся, а не подгоняются факты. Тем самым эта книга вполне может послужить источником для последующих изысканий. В этом

плане весьма примечательно рассмотрение позиций, например, таких ярких фигур, как А. Сольц, руководивший юридическим отделом Рабкрина, или И. Голяков, возглавлявший в 1938–1948 гг. Верховный Суд СССР, через призму деятельности которых можно больше узнать о том же Рабкрине и Верховном Суде, противостоянии, о той борьбе, что велась в те годы. Многое из того времени, надо признать, забыто.

Безусловно, можно предположить, что эта работа не будет воспринята бесстрастно: столь полярны до сих пор точки зрения на этот исторический период нашей истории. Кроме того, и здесь с чем-то хотелось бы подискутировать, но это лишь дополнительный повод для прочтения и говорит в пользу значимости книги “Советская юстиция при Сталине”. И, конечно, трудно не согласиться с основными выводами автора, поскольку они весьма аргументированы и логичны. Именно это дает все основания говорить, что мы имеем возможность лучше узнать тот сложный и все еще плохо изученный период отечественной истории, понять не только ведущие тенденции, но и механизмы осуществлявшихся преобразований, составить свое мнение о роли личности в истории, революции, о демократии, тирании, исторической преемственности и пр., о тех вопросах, на которые до сих пор не найдено окончательных ответов, во всяком случае в российском социуме.

Данная работа позволяет полнее узнать о методах государственного управления и строительства, о формировании системы советской уголовной юстиции, развитии права в нашей стране, о природе сталинизма. Так, автору удастся, как представляется, доказать, что в условиях авторитаризма перед правителями всегда возникает дилемма, разрешение которой варьируется в зависимости от страны и эпохи, как пишет исследователь, но закономерность заключается в следующем. С одной стороны, закон, вообще право для них – инструмент, подсобный механизм при отсутствии приверженности общества принципу верховенства права, с другой – отказ от сдерживающих механизмов закона создает трудность для использования его в качестве того же инструмента власти, для укрепления ее.

Несомненна заслуга П. Соломона и в том, что рассмотренный им в ходе исследования исторический контекст дает повод читателю задуматься о предпосылках сталинизма, его генезисе и не только. В частности, обращение к дореволюционному периоду российской истории не только проясняет степень развитости правовых институтов, которые “начинали пускать лишь первые корни... даже суды самой низкой ступени иерархической пирамиды (мировые суды) располагались только лишь в городах”, но и дает возможность задуматься, почему “задача создания унифицированной правовой системы на территории всей страны выпадет на долю большевиков” (с. 10–11). Как представляется, потому, что царская Россия была к моменту революции отсталой страной. Как бы кто ни относился к революции 1917 г., это надо признать.

Собственно, потому и приходилось большевикам заполнять штаты новых институтов права зачастую непрофессионалами: не только потому, что они не доверяли получившим образование при старом режиме юристам (хотя бойкот школьных учителей, например в послереволюционной Москве, они не забыли, учитывали необходимость опоры на своих единомышленников), но и ввиду острой нехватки вообще грамотных людей в России. П. Соломон совершенно верно подметил, что “право и уголовное правосудие не развивались в вакууме... они были изменяемыми величинами, которые испытывали на себе воздействие важнейших событий эпохи и отражали их” (с. 11). Именно поэтому, кстати говоря, можно возразить его упреку большевикам, рассматривавшим право “как исключительно прикладное явление... а не как самодовлеющую ценность” (с. 10). Сразу возникают вопросы: в какой стране мира в революционную пору закон воспринимался как самодовлеющая ценность, где право было таковым в самом начале XX в., могло ли быть иначе в стране, не имевшей унифицированной правовой системы, где подавляющая часть населения не умела ни читать, ни писать? Это к вопросу, какую Россию мы потеряли в 1917 г. Но то, что развитие права в нашей стране осуществлялось в условиях труднопреодолимых отрицательных факторов, вряд ли кто будет оспаривать.

Автор убедительно показал, что “с начала тридцатых годов Сталин превратил советское уголовное законодательство в свое собственное право” (заметим, что этот временной рубеж ряд ученых считали переломным в отечественной истории, изменившим вектор дальнейшего развития страны¹), но потребовался едва ли не весь период пребывания Сталина у власти для того, “чтобы сталинская система уголовной юстиции достигла своего полного расцвета” (с. 439). Низшей точкой “падения в истории советского уголовного права” автор считает период коллективизации, называемый им компанейским правосудием (с. 79). Насаждая свое видение права, отмечает автор, “Сталин расширил сферу применения уголовного права за пределы его обычных функций и ввел небывало суровые наказания за нарушения законов” (с. 12). Тем не менее проведенный исследователем анализ показал, что и в сталинский период имело место “сопротивление в обществе” (с. 442) проводимым ужесточением и репрессиям, что позволяло более объемно воспринять ту историческую эпоху, избежать упрощенного взгляда на нее.

Так, в 30–40-е годы прослеживалось “уклонение и даже сопротивление этим нововведениям со стороны работников суда и прокуратуры на всех уровнях иерархической лестницы” (с. 12). Интересна в этой связи эволюция отношения к вопросам формального права уже упоминавшегося старого

большевика А. Сольца: если в годы нэпа и ранее он рассматривал право как источник несправедливостей (заметим попутно, что в условиях голода тогда спекуляция воспринималась как контрреволюция, подрыв государственности), то в годы коллективизации стал относиться к праву как к “основному бастиону на пути произвола и методов принуждения” (с. 101). Таких, как Сольц, было немного, но они были: Файнблит, Стучка и др. Со злоупотреблениями органов юстиции разбирались в начале 30-х годов вышестоящие суды (проверка деятельности судов по поручению Президиума ЦИК СССР началась с 1931 г.), юридический отдел Рабкрима, рассматривавший индивидуальные жалобы, судебные дела и проводивший проверку работы судебных органов в отдельных территориях, направляя затем протесты в прокуратуры или суды высшей инстанции. К примеру, весной 1931 г. в ходе 25 поездок в села Бобровского района из 426 жалоб была удовлетворена пятая их часть (с. 100). Кассационные пересмотры в областных судах вносили изменения в 30% приговоров, из 76 смертных приговоров Верховный суд изменил 46, из них 9 были приведены в исполнение; местное политическое руководство это крайне раздражало. Однако эти проверки, как и неисполнение каких-то указаний на местах, коих было немало, так и не смогли “удержать волну насилия и произвола” в стране (с. 101–102), даже несмотря на то, что “антиправовой подход никогда не был главенствующим фактором при формировании советской уголовной юстиции” (с. 439).

Почему же страну захлестнула эта кровавая волна, почему верх взяли насилие, страх и конформизм? Автор дает свой ответ, и вполне обоснованный, заметим, хотя у читателя остается право сделать свой вывод. В частности, как представляется, проведенное исследование стало еще одним аргументом в пользу позиции, следуя которой ленинская политика в ее нэповском варианте могла привести к иным результатам²; и действительно, годы, на которые пришлось коллективизация, стали резким водоразделом в политической истории СССР (с. 443). П. Соломон, хотя и не отрицает эволюционный взгляд на генезис сталинизма, тем не менее, сам признает, что описание уголовной юстиции при Сталине, поворотный пункт в развитии которой пришелся на 1935–1936 гг., “еще в большей степени подчеркивает существование разрыва между большевистской и сталинской практикой” (с. 444). Этот вывод очень важен для нас, поскольку позволяет по-иному взглянуть на весь период советской истории. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на некоторые нюансы и акценты.

Так, утверждая, что как большевистско-ленинская, так и сталинская власть стремилась подчинить правосудие политическому руководству (с. 444), автор не говорит о различии целей тогдашних властей в конкретно-исторических условиях. Если до прихода к власти Сталина большевики руководствовались задачами строительства нового справедливого государства, новой формации, находясь в русле революционной логики (а потому о развитии автономной и беспристрастной юстиции речь идти тогда не могла в силу многих причин), то после ухода Ленина с политической арены Сталин делал все для укрепления собственной, а не Советской власти, не меняя при этом прежней фразеологии. Более того, вывод о том, что советское руководство при Сталине создало такие механизмы подчинения судебнопрокурорских работников,

¹ Например, М.П. Ким говорил, что нэп “лишь до 1927 г. функционировал в том духе, как его понимал В.И. Ленин (Коммунист. 1987. № 12), а Д.К. Шелестов писал, что рубеж 1928–1929 гг. “вряд ли вызовет возражения” (Шелестов Д.К. Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 308). И.Н. Гаврилова показала на примере демографической политики, что на рубеже 20–30-х годов произошла контрреволюция, установилась сталинская диктатура, сохранившая социалистическую фразеологию, но по сути отличавшаяся от того строя, что был установлен в 1917 г. (Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М., 2002. С. 47). О сути установившегося с 30-х годов строя, его родовом сходстве с бабувистским коммунизмом писал А.С. Автономов (Автономов А.С. Политическое отчуждение при социализме: причины и пути преодоления // Сов. гос. и право. 1991. № 2. С. 85–93). Именно в силу этих причин, как отмечал в начале 90-х годов Ю. Афанасьев, анализируя сущность современного государства, “общество, которое мы построили, не является социалистическим” (Афанасьев Ю. Как и все мое поколение... // Студенческий меридиан. 1991. № 4. С. 19).

² Об этом же свидетельствуют и некоторые исследования отечественных экономистов, в частности анализ В. Попова, Н. Шмелева (Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог (Так была ли альтернатива 1929 году?) // Студенческий меридиан. 1989. № 1–2).

которые вызвали бы “зависть у чиновников из Министерства юстиции в императорской России” (с. 445), действительно свидетельствует о генетической связи сталинизма с царским режимом как двух автократий, полицейских государств и, кроме того, об изменении вектора развития Советского государства на рубеже 20–30-х годов XX в. вследствие тихой контрреволюции. Как это ни парадоксально, в этом сыграл свою роль и демографический фактор. Многие истинные революционеры погибли в годы гражданской войны, на фронтах, что в условиях наличия массы малограмотного населения (наследия царского времени, заметим) сыграло свою роковую роль. Оставшиеся революционеры были уничтожены Сталиным. Потому и не сразу сложилась сталинская система правосудия, еще оставались ленинские соратники и те, кто реально разделял их идеи, сопротивлявшиеся тем изменениям, что происходили под руководством Сталина с конца 20-х годов.

Таких поводов для размышления книга П. Соломона дает много, что ценно само по себе. Например, рассмотрение ситуации с правоприменением на местах, свидетельствующей о сохранявшейся автономности отдельных регионов даже в условиях сильной централизации государственного управления, дает пищу к размышлению по такой проблеме, казалось

бы, далекой от темы данной работы, как местное самоуправление. Ведь сейчас можно найти немало научных изысканий, доказывающих отсутствие традиций такового в нашей стране. Если же суммировать все имеющиеся в нашем распоряжении факты, в том числе представленные П. Соломоном в рассматриваемой работе, то можно под иным углом зрения увидеть у нас перспективы местного самоуправления, да и федеративных отношений. Так что книга “Советская юстиция при Сталине” расширяет горизонты исследовательской работы по многим направлениям.

Конечно, и у этой работы есть свои недостатки, как в любом издании, наверное. Затрудняет работу с книгой, например, отсутствие в ней оглавления, что удивительно для столь солидного издательства. Однако эти досадные погрешности не умаляют значения проведенного П. Соломоном исследования, которое развенчивает многие мифы, открывает новые возможности для изучения российской истории государства и права и, несомненно, найдет своего читателя.

Ирина Николаевна Гаврилова,
гл. научный сотрудник Института социологии РАН,
доктор ист. наук